

Чагинская Елена Алексеевна

СОВЕСТЬ, МОРАЛЬ, ПРАВСТВЕННОСТЬ ПО-РУССКИ И ПО-ИСПАНСКИ: ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА НА "ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ"

В статье рассматривается одна из неочевидных проблем межкультурной коммуникации, связанная с отличиями в интерпретации универсалий, которые, будучи таковыми, имеют, тем не менее, характерную этнокультурную окраску, требующую освещения в процессе преподавания европейских языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 141-150. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Если прежде это был диалог обвинителя с обвиняемым (причем функции постоянно менялись), то сейчас «человек» предлагает «пришельцу» не просто войти и принять чужой для него «сумеречный мир», но отдает ему этот мир во владение: «Everything you offer me in this demented world». Если мир людей, мир реальный - сумасшедший, то что же истинно? Реальность снов? Обрывочные воспоминания, тесно переплетенные с образами волшебных сказок? Или, может быть, мифические «fields of joy», не менее мифическая «Never!Land», в самом названии которой делается акцент на «несуществование»?

Ответом на данный вопрос может стать «Borderland», стихотворение, не вошедшее ни в один из сборников, но написанное в период между созданием первого и второго текстов - в 1995 году.

...Motionless I stare in emptiness
As bodies fall and disappear in darkness
Of my borderland.
Is this fake, or is this real?
Am I sick, or am I cured?

«Borderland» переводится как «пограничная земля, граница», но в психиатрии - это слово используется как термин, обозначающий «пограничное состояние» человеческого сознания. Нельзя утверждать, что мы имеем дело с классическим (по шкале М. Нордау) психопатом, культивирующим и эстетизирующим свою ущербность, но, как бы там ни было на самом деле, Хейтс упорно стремится к тому, чтобы его таковым считали. Поэтому и коммуникация между «здесь» и «там» у него возможна, как уже отмечалось выше, только в условиях «пограничного состояния», потому «человек» и предлагает «пришельцу» принять противоядие прежде, чем он войдет в реальный мир.

...Implanted anger rising
A decay within my dreams (...)
So what can we do ...
With my possessive senses?
With my borderland?

Но реальность словно бы не заботит Хейтса или, может быть, она скучна, неинтересна ему как поэту. Несмотря на поражающее его «decay» (тление), мир снов, «Never!Land», для Адриана милее мира человеческого с его сумерками, безысходностью, ложью и всепоглощающей бессмысленностью. Реальность навсегда останется для него не более чем сумасшедшим миром, не имеющим ничего общего с обрывочными, но такими милыми воспоминаниями о «fields of joy». И дело здесь даже не в предполагаемой несовместимости личных понятий поэта о призвании человека и навязываемых, приписываемых условностей и требований, а в том, что некоторые чужаками приходят в наш мир. Но Адриан Хейтс - так, во всяком случае, кажется - еще и культивирует, пестует свою чужеродность миру, свою несовместимость и с толпой, ее интересами, нуждами, идеалами, и с реальностью - вне зависимости от того, о чем идет речь. Он творит собственный мир, пусть это и мир его снов, мир его «пограничного состояния», но отказываться от него он не намерен, поскольку зримая грубая реальность искажает гармонию мира, тогда как «Never!Land» всегда совершенна и прекрасна.

Список использованной литературы

1. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. - М., 1996.
2. Hates A. Cholymelan. - Dusseldorf, 1993.
3. Hates A. Psychoma? - Dusseldorf, 1998.

СОВЕСТЬ, МОРАЛЬ, ПРАВСТВЕННОСТЬ ПО-РУССКИ И ПО-ИСПАНСКИ: ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА НА «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ»

Чагинская Е. А.

Московский государственный лингвистический университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н. Верещагиной А. В. и к.п.н. Ротановой О. Н.

В статье рассматривается одна из неочевидных проблем межкультурной коммуникации, связанная с отличиями в интерпретации универсалий, которые, будучи таковыми, имеют, тем не менее, характерную этнокультурную окраску, требующую освещения в процессе преподавания европейских языков.

Слова «личность», «свобода», «духовность», как и находящиеся в данном случае в центре нашего внимания «совесть», «мораль», «нравственность», выражают ценности, которые часто определяются как общечеловеческие, поэтому у специалистов по межкультурной коммуникации их интерпретация и перевод обычно не вызывают затруднений. Между тем речь идет о ценностях, которые в философии принято относить к категории универсалий субъектного ряда. Что это означает? В очень малой степени - что-то или иное понятие, релевантное для всякого человека (отдельного субъекта), может им интерпретироваться по-своему, наполняться субъективным смыслом. Главным же образом в качестве субъекта выступает устойчивая культурная общность, идущая своим уникальным историческим путём, на котором вырабатываются ценности и закрепляется в традиции то или иное отношение к ним. Некоторые из ценностей, выработанных разными

народами, оказываются более или менее схожими, они и суть универсалии. Однако тот факт, что ценность в общих чертах разделяется многими народами, не означает автоматически, что всеми этими народами она и переживается одинаково. Логичнее было бы обратное утверждение: каждой культурно-исторической общностью универсальная ценность осмысливается уникальным образом, настолько отличным от других осмыслений, насколько отличны друг от друга обстоятельства исторического пути различных народов.

Системные различия в области бытия мысли, проявляющие себя и на всех этапах языка, от способа начертания букв, алфавита, звукового строя языка - до его синтаксического строя, не могут не касаться лексики, в том числе и тех слов, которые выражают «общечеловеческие ценности». Применительно к последней группе слов для оценки характера различий удобно прибегнуть к понятию «энергема», обоснованному и введённому в научный оборот А. Ф. Лосевым. Наличие суффикса, имеющего значение «структурный элемент, тип, структурная единица языка» [Ахманова 2005: 525], само даёт представление о термине, и всё же это понятие, под которым подразумевается компонент семантической структуры слова, нуждается в некотором предварительном комментарии. По Лосеву, не «снизу», из тёмных глубин оформляющейся и как-то начинающей себя осмысливать материи, а «сверху» дан смысл. Точнее, смысл не дан, а есть, существует; и существует только смысл (бытие, сущность), отличный от инобытия («иное», меон), очерчивающего границу смысла. Как свет проникает во тьму, не переставая быть в ней всё тем же светом и по-разному освещая разные её слои, так смысл, проникая в иррациональность инобытия, по-разному (в разной степени) «осмысливает» её. Иными словами, энергия сущности, смысловая энергия, проявляет себя по-разному на разных уровнях осмысливания инобытия, и все «многочисленные судьбы имени есть только разная степень проявленности и выраженности смысла, или, что то же, разная степень затемнённости бытия» [Лосев 1993: 680]. Этот энергетический компонент (по-лосевски, «момент») структуры имени и есть энергема. А. Ф. Лосев стратифицирует энергемы по степени участия в формировании смысла, выделяя: перцептивную энергему (энергия имени, порождающая восприятие); имагинативную (энергия имени, порождающая образное представление); когнитивную (энергия имени, порождающая мышление); гипер-ноэтическую (энергия имени, создающая выше-мысленное всеобъемлющее мышление). За исключением последней, которая уже не нуждается в материальном оформлении, все энергемы обнаруживают себя в слове: как человек сочетает в себе физическое и духовное, так и «человеческое слово есть выражающий носитель всех... энергем одновременно» [Ibidem: 747]. Поэтому, при условии, что комплексный (многоуровневый) характер энергематической составляющей слова всегда подразумевается, не будет ошибкой пользоваться термином «энергема» как обобщающим.

Присутствие энергемы невозможно выразить ни в граммах, ни в метрах, ни в вольтах; энергемой, «обнаруженной» в слове, невозможно украсить схему, которая изображала бы «семантику слова во всей её постигнутой полноте». Поэтому чаще всего об энергии, свёрнутой в слове, мы не говорим вовсе и не учитываем фактор энергемы в анализе слова. Лингвист в этом подобен художнику, который, рисуя травинку, фиксирует застывший *миг* её жизни, но не может запечатлеть *силу* жизни, с которой травинка взламывает асфальт. В трудах А. Ф. Лосева концепция энергемы получает обоснование, которое и даёт почву для констатации: постольку, поскольку энергема слова обладает всеми свойствами физической энергии, слово есть «некоторый легкий и невидимый, воздушный организм, наделенный магической силой что-то особенное значить, в какие-то особые глубины проникать и невидимо творить великие события» [Ibidem: 659]. Не звук, а качество энергии звука; не смысл, а качество энергии бытия смысла делает слова целительными или губительными, вдохновляющими или вызывающими отвращение. И это не застывшие, раз и навсегда данные, энергии, но энергии взаимодействующие, живые, пробуждающие и направляющие разумение; отсюда - может быть, самое короткое лосевское определение слова: слово есть разумеваемая сущность [Ibidem: 742]. Иначе: слово - это сама вещь, усвоенная (состоявшаяся) в разуме и - через *переживание* звуков, форм, значений слова [Ibidem: 759-760] - предъявленная к дальнейшему разумению. Слово *переживание* выделено автором; не интроспекция, не наблюдение, не анализ звуков, форм и значений, а - переживание, сопричастное вхождение в жизнь слова, дано Лосевым как исследовательский метод. Стоит добавить, что и в тех лингвофилософских трудах, где А. Ф. Лосев не прибегает к понятию «энергема», ограничиваясь указанием на ноэтическую функцию слова (и его структурных элементов), учёный подчёркивает момент *переживания* (вещи и слова) как неотъемлемый от обобщения, без которого ноэзиса не бывает; например: [Лосев 2004: 140-141].

Опираясь на свой тезис «в слове дана энергия сущности того, что дано в слове», Лосев пишет: «...я вижу, произнося и переживая слово, во-первых, *предметную сущность слова как адекватно понятую*, во-вторых, *предметную сущность слова как понятую в специальном смысле*, в том смысле, какой связан с теми или другими условиями места и времени» [Лосев 1993: 754]. Одна и та же предметная сущность (вещь или абстрактное понятие), таким образом, на разных почвах проявляет разные свои энергии: каждый народ вступает в свои, специфические для него, отношения с этой сущностью. И каждый язык по-своему эти отношения запечатлевает. Вот почему не может быть абсолютных универсалий и тем более - в субъектном ряду, составляющие которого, будучи выражены словом, запечатлевают специфичную для времени, места и обстоятельств энергию переживания вещи. При этом логично, что «имена ценностей» имеют не только специфичную, но и очень интенсивную энергему, поскольку именно ценности выступают как смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности, всех конкретных деяний и поступков [Абушенко 2003: 25]. Ценности, ввиду их особо значимого статуса в жизни и судьбе каждого общества, не просто разделяются (в основных чертах) большинством чле-

нов данного социума, но интенсивно переживаются, иногда глубоко и драматично, каждым отдельным человеком.

Как же всё-таки представить энергему как компонент структуры слова? А. Ф. Лосев описывает её словом же, т.е. даёт ей толкование. Толкование опирается на полный симболон, под которым Лосев подразумевает «общее значение слова, in potentia содержащее в себе все возможные и мыслимые отдельные значения этого слова в разнообразные и, быть может, бесчисленные, но по характеру своему всё же вполне определенные моменты времени и места» [Лосев 1993: 635-636], однако из всех составляющих полного симболона - преимущественно на этимный слой семемы. Будучи выражена в более традиционных терминах, лосевская методика нахождения и представления энергемы может быть сформулирована следующим образом: энергема представляется через толкование, опирающееся на семантику лексемы, потенциально заключающей в себе все возможные семантические эволюции слова, с преимущественной опорой на его этимологию. Можно даже сказать, что энергема непосредственно связана с внутренней формой слова, в той интерпретации последнего понятия, которое мы находим у А. А. Потебни и П. А. Флоренского. Внутренняя форма - это, по сути, и есть формальное выражение характера энергемы. Суммируя сказанное: *энергема слова выявляет себя во внутренней форме, рассматриваемой с точки зрения её переживания и становления в качестве программы смыслообразования.* В этой функции энергема - это своего рода ДНК слова.

После этой необходимой терминологической преамбулы мы можем приступить к рассмотрению выражающих ценности понятий, вынесенных в заглавие статьи. Нравственность и мораль (ЛСВ: 'норма поведения' - *буржуазная мораль, нормы морали*) - одно и то же? Вопрос не праздный: авторитетные отечественные справочные издания не проводят разграничения этих понятий, принимая их как равнозначные, например: [БЭС, НФС]. Отсутствие семантической дифференциации (фактически - смешение) понятий отмечается и в некоторых учебных пособиях и учебных словарях.

«С **моралью** соотносятся такие понятия, как... **совесть**... Через эти понятия **моральное** сознание людей отдельной эпохи оказывается приобщенным к **общечеловеческим нравственным ценностям**. (...) **Мораль** включает в себя **нравы** и обычаи... Одновременно различные виды общественной деятельности людей оформляются в разные типы **профессиональной морали**... Наряду с этим осмысление... проблем кризиса современной цивилизации... связывается с развитием противоречий между социальными отношениями... и **общечеловеческими ценностями морали**... Осознание важности и значения **морали** способствовало становлению **этики**, научной дисциплины, которая изучает и обосновывает особенности развития **нравственности** всего человечества...» (Из учебного словаря по теории и истории культуры; полужирный шрифт наш - Е. Ч.)

Если мы проанализируем библейские переводы (церковнославянский, русский, латинский, испанский), то увидим, что там, где в церковнославянском и русском мы встречаем **нравъ**, «нрав», «нравы», в Вульгате будут употреблены производные от *mos, moris*.

Евр. 13:5			
Не сребролюбцы нравомъ, до- вѣри сѣщии. Той бо рече: не ймамъ тебѣ оставити, ниже ймамъ ѿ тебѣ ѿтѣпичи:	Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть. Ибо Сам сказал: «не оставлю тебя и не покину тебя»,	Sint mores sine avaritia contenti praesentibus ipse enim dixit non te deseram neque derelinquam	Sea vuestra vida exenta de avaricia, contentándoos con lo que tengáis, porque el mismo Dios ha dicho: “No te dejaré ni te desampararé”.
			NB: Название главы согласно испанской версии: “Diversos preceptos morales”
➤ 'AfilJrguroj P trTpoj, frkoŭmenoi to<j paroasin 'Несребролюбиво поведение, довольствующиися присутствующим' 'Несребролюбиво поведение, довольствующиися присутствующим'			

1 Кор. 15: 33			
Не льститеся: тлѣтъ ѿбѣчани кѣли всѣгда злы.	Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы.	Nolite seduci corrumpunt mores bonos conloquia mala	No os engañéis. Las conversaciones malas estragan las buenas costumbres.
➤ m¼ plan@sqe : Fqe...rousin Sqh crhst Őmil...ai кака... 'Не заблуждайтесь: портят₃ нравы₅ хорошие₄ общества₂ плохие₁'			

Однако, это само по себе вовсе не означает, что слова, производные от **нравъ**, синонимичны дериватам *mos*. Попробуем разобраться. Русское слово «мораль» - сравнительно позднее заимствование, и его нет ни в лексическом составе церковнославянского языка, ни, соответственно, в библейских и богослужебных текстах на этом языке; однако, и в русских канонических версиях оно не встречается ни разу. Иными словами, даже тогда, когда заимствование «мораль» уже вошло в лексический состав русского языка, переводчики неизменно предпочитали слово **нравъ** («нрав») и его производные. Что же такое **нравъ**, церковнославянское слово, от которого произошло русское слово «нравственность»? Согласно ПЦС, **нравъ**, а также **нравный** 'относящийся к нравственности', суть эквиваленты древнегреческих слов:

1. τρόλος (отсюда термин «троп») 'поворот, оборот; образ, способ; характер, обычай; тон, лад, мелодия; оборот речи, стиль';
2. γνῶμη 'мысль и вообще познавательная способность; разум, дух, мнение; изречение'; в Новом Завете: 'цель, замысел, воля';
3. °αἰκῶν 'касающийся нравов, характера' < ἄφορ 'обычное местопребывание, жилище; обычай, характер, образ мыслей'.

Отсюда - толкование для церковнославянского: *нравъ* 'образ мыслей и чувствований; сердечное расположение' [ПЦС: 358]. Что касается русского дублета, «нрав», очень подробно и вполне согласно с церковной традицией его толкует В. И. Даль: «вообще, одна половина или одно из двух основных свойств духа человека. *Ум и нрав слитно образуют дух* (душу, в высшем значении); ко *нраву* относятся, как понятия подчинённые: *воля, любовь, милосердие, страсти* и пр., а к *уму*: *разум, рассудок, память* и пр. Согласный союз *нрава и ума, сердца и думки*, образует стройность, совершенство духа; раздор этих начал ведет к упадку. В животном не может быть такого разлада; там *нрав* и *ум, воля* и *рассудок*, слиты нераздельно в одно в *побудке* (инстинкт); и человек должен достигать такого же единства, но высшим путем: убеждением, обузданием страстей и умничанья, сознанием долга» [Даль 1994: 1448].

Помимо церковнославянизма «нрав» в русском языке сохранилась исконная полногласная форма «норов». Причины, по которым она, как устаревшая, исключена из некоторых словарей (ТСРЯ 1992; ТСРЯ 2007) не вполне ясны, поскольку в речи она бытует наряду с отмечаемыми словарями производными: «норовистый», «норовистость»; «норовить». У В. И. Даля находим вполне понятные и сегодня суффиксальные образования: *лошадь с норовком; эта баба с таким норовищем, что ее и черт не переломает* [Даль 1994: 1440]. «Норов» - это дикая, первобытная стихия, действующая изнутри человека. Можно сказать и так: языческий «норов», обработанный и облагороженный воздействием культуры, становится в человеке «нравом». Тогда о человеке говорят: *благонравный, добронравный* и - *нравственный*. Или же происходит наоборот, и стихийное начало преодолевает культурное: *бешеный нрав, дикий нрав, строптивый нрав* и т.д. Бывает и так: *«нравом хорош, да норовом негод»* - пример В. И. Даля [Даль 1994: 1448]. К. С. Горбачевич приводит немногим менее ста эпитетов к слову «нрав», выбранных им из словарей, художественных и публицистических текстов [Горбачевич 2004: 117-118]; все они описывают характер человека, потому что нрав - это и есть психический склад, характер. При этом: «Каков у человека нрав, такова и его нравственность» [Нефёдов 2008: 5]. Заметим это, самое главное, свойство нравственности: она исходит изнутри человека; питающие её корни лежат в характере человека, в том, каковы его сердечные расположения, образ чувствования, образ мысли, замыслы. В нравственности проявляется невидимый лик (облик) души и выявляют себя её тон, лад, мелодия, стиль - τρόλος, γνῶμη. Энергема, общая для «норов», «*нравъ*», «нрав», «нравственность» - это энергема самовыражения внутреннего мира, его скрытого нерва, его невидимого. *Нравственные муки, нравственные переживания, нравственные искания* - совершаются незримо, но именно здесь лежит точка притяжения всей русской культуры; нравственность как 'поведение' - лишь следствие, внешнее выражение того главного, что происходит у человека внутри. В. И. Даль прямо противопоставляет «нравственное» - «плотскому», «телесному»: *нравственный быт человека важнее быта вещественного*. Энергема «переживания невидимого» объясняет редкое значение слова «нравственно», которое находим в классической литературе, например, в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»:

«Еще как только Кити в слезах вышла из комнаты, Долли с своею материнскою, семейною привычкою тотчас же увидела, что тут предстоит женское дело, и приготовилась сделать его. Она сняла шляпку и, **нравственно засучив рукава**, приготовилась действовать».

“Cuando Kitty se fue llorando, Dolly comprendió que arreglar aquel asunto era propio de una mujer y se dispuso a entrar en funciones. Se quitó el sombrero y, **arremangándose moralmente, si vale la frase**, se aprestó a obrar”.

«Нравственно» - здесь значит 'мысленно = невидимо'; в мире внешнем Долли сняла шляпку, в мире внутреннем - «засучила рукава», внутренне собралась. Испанский переводчик [Tolstoi], используя формальную параллель «нравственно = moralmente», в этой ситуации был вынужден вплести в ткань перевода вставку: «если можно так сказать».

Энергема, свёрнутая в «нрав» / «норов», неизменно направляет вектор смыслообразований и смыслообретений изнутри - наружу, из мира внутреннего - в мир внешний. «Нравиться» - значит 'приходиться по нраву': мера вещей находится внутри. «Нравы» - 'обычаи, привычки населения, народа' - суть результат сложения индивидуальных наклонностей и расположений: *здесь царят дикие нравы*. Часто при этом коллектив осмыслен как «коллективная индивидуальность»: *что город, то норов, что деревня, то обычай*. И лишь тогда, когда нравы «устоятся», будут поверены практикой и закреплены традицией, они обретут статус нормы, корректирующей поведение человека извне; только в этом смысле допустимо говорить о «нормах нравственности». Нравственная норма в нашем отечестве сформирована Православием, но и при этом, будучи «нормой», она предусматривает, что мера вещей находится, всё же, внутри самого человека, адресата христианской доктрины: «*Христианская вера заключает в себе правила самой высокой нравственности. Нравственность веры нашей выше нравственности гражданской: первая требует только строгого исполнения законов, вторая же ставит судьёю совесть и Бога*» [Даль 1994: 1449]. Рассуждение «по правде» в России выше суда по закону: таким сформировался нрав нашего народа, таковы его воля и душевное распо-

ложение. В конечном счёте, нрав, нравственность - сфера человеческой свободы, сфера свободы воли и выбора.

Добавим также, что в комплексе богословских наук, существующих под сенью Православной Церкви, нравственное богословие выделено в отдельную дисциплину, развивающуюся во взаимодействии с другими богословскими и светскими гуманитарными науками, применяющую традиционные и современные научные методы [ПЭ, Т. V: 520]. То есть: нравственность, её содержание, категории, виды нравственности, психологические аспекты её проявления на разных уровнях коммуникации, её соотношение со смежными понятиями и другие аспекты составляют в России предмет давнего, пристального и системного изучения; см., например: [Нефедов 2008].

В том, что касается формы множественного числа - «нравы» - у неё (и только у неё) есть коррелят в испанском языке: это форма множественного числа слова *costumbres* 'обычаи, привычки = нравы'. Что касается понимания привычек, в этом мы вообще с испанцами схожи: *la costumbre es otra (segunda) naturaleza* 'привычка - вторая натура'; *la costumbre hace ley* 'обычай (привычка) складывается в неписаное правило'. Однако, как видим, *costumbre* - слово иного происхождения, нежели *moral*; стало быть, и его энергема - иная, нежели в слове *moral*.

Испанское *moral* (< лат. *mōrālis* 'моральный') имеет происхождение из латинского *mōs*, *mōris* 'обыкновение, обычай': *fiēri moribus* 'становиться обычаем'; *ut moris est* 'как принято'; *lex mosque* 'закон и обычай'. А также 'поведение, образ жизни': *mores boni, mali* 'хорошее, плохое поведение'; манера: *ad morem* 'наподобие'; собственно закон, предписание, правило: *in morem* 'по закону, правильно', *facinus sine more* 'неслыханное преступление'. Что *mōs* связано с выражением внешних норм (правил, законов), с наибольшей очевидностью явствует из развившегося у него значения 'мода'; все примеры взяты из: [Дворецкий 1986: 495].

Заметим, что в приведённых нами ранее примерах из Посланий апостола Павла (Евр. 13:5; 1 Кор. 15: 33), там, где Вулгата даёт формы множественного числа от *mōs*, испанские переводчики (опирающиеся на оригинал) не пользуются словом *moral*: *sint mores sine avaritia* 'пусть ваш образ жизни будет лишен алчности' → *Sea vuestra vida exenta de avaricia* 'пусть будет ваша жизнь будет освобождена от алчности'; *corrumpunt mores bonos conloquia mala* 'злые беседы развращают добрые обычаи' → *Las conversaciones malas estragan las buenas costumbres* 'злые беседы портят добрые обычаи'. Фактически, только русские версии полностью сохраняют свойство апостольских посланий быть адресованными каждому человеку в отдельности, когда именно каждый в отдельности призывается к внутренней трансформации, т.е. к совершенствованию нрава. Мы помним: в распоряжении переводчиков, трудившихся для славян (и русских), имелось слово, содержащее специфичную энергему индивидуального переживания, нахождения во внутреннем мире, и переводчики к нему прибежали. Переводчики Вулгаты ни одной из имевшихся у них возможностей «интимизировать» слово Посланий (*ingenium*, -ii; *natura*, -ae; *animus*, -i) не воспользовались, как и испанцы, и Послания оказались обращены к общинам в целом. То есть, если следовать логике романских переводов, Павел формировал «общественную норму поведения», а не обустроивал внутренний мир каждого входящего в общину христианина.

Какой вывод следует из того наблюдения, что испанские переводчики не воспользовались словом *moral* (< *mōrālis* < *mōs*): **Sea vuestra moral exenta de avaricia*; *... *estragan la buena moral*? Почему, с другой стороны, испанские редакторы Библии ввели в неё отсутствующую в оригинале рубрикацию и озаглавили рассматриваемый фрагмент Евр 13:5 «Различные моральные предписания»? Ответ на первый вопрос видим в «сопротивлении материала» оригинала; в том, что он не дал возможности воспользоваться словом, пригодным для описания уже устоявшейся нормы. Ответ на второй вопрос найти нетрудно: например, энциклопедия *Sorena* чётко оговаривает, что понятие *moral* всегда интерпретируется только в категориях соответствующей религиозной доктрины, и можно говорить о католической морали, о протестантской (и следующей из неё буржуазной) морали, но не о морали вообще [DEIS, Т. 2: 1717]. То есть, мораль - это диктуемая соответствующей религиозной традицией норма поведения. Мораль всегда предусматривает вектор, обратный нравственности, а именно: извне - к человеку. Теперь: к чему в человеке апеллирует мораль? Воспользуемся испанским идеографическим словарём. Во-первых, мораль входит в семантическое поле «Поведение»; во-вторых, мораль относится к разуму, рассудку, то есть как раз к той из двух частей души (о которых писал В. И. Даль) к которой не относится нрав [Casares 1957, III: 720]. Мораль не только диктуется извне, но и апеллирует к разуму; мораль жёстко требует от человека соответствия себе. Мораль и нравственность относятся друг к другу так, как осознанная необходимость относится к свободе выбора.

Дифференцируют ли «мораль» и «нравственность» толковые словари современного русского языка? Определённо - да, причём «нравственность» представлена в толковании как совокупность духовных качеств, которыми руководствуется человек, в том числе и в поведении; «мораль» же - толкуется через «нравственность»: 'нравственные нормы поведения, а также сама нравственность' [ТСРЯ 1992: 374; 433].

Похоже, что включению в свой лексический состав слова «мораль» русский язык долго сопротивлялся, и заимствование осуществлялось, начиная с ЛСВ 'поучительный вывод': *morale de la fable* - мораль басни. В. И. Даль, ссылаясь на французское *morale*, даёт толкование: 'нравоученье, нравственное ученье, правила для воли, совести', но приводит также, с пометой *народное*, значение 'дурная слава': *про меня мораль пошла; он на меня мораль наводит* [Даль, Т. 2: 901]. Характерен и такой пример: *белоперчаточное фарисейство сытой морали* - по отношению к способу получения доходов, унижающих достоинство сословия или корпорации (например, участие адвоката в барышах от торговли) [Даль, Т. 1: 385]. Так или иначе, заимствование в

лексический состав русского языка вошло, в том числе, со временем, и в значении «норма поведения». Не в последнюю очередь это произошло благодаря усилиям философов, а также общественных деятелей, которые хотели бы калькировать не только слова, но и весь западноевропейский образ жизни - без учёта конкретных обстоятельств его становления и не считаясь с особенностями культуры, сложившейся в нашей стране.

Теперь рассмотрим, как испанцы и русские переживают «совесть» (в большинстве европейских языков это слово имеет сходный морфологический состав), и начнём с того, что имеем в испанском языке. В отличие от русского языка, испанский не дифференцирует «совесть», «сознание, сознательность», «осознание». Двухязычные словари, которые ведут подбор близких по смыслу, но не обязательно эквивалентных понятий, дают значение «совесть» для перевода словосочетаний: *conciencia susia* 'нечистая совесть', *pesar sobre la conciencia* 'лежать на совести' и т.д.; однако для более эмоциональных выражений типа «потерять совесть» предлагаются уже синтагмы без слова *conciencia*, например: *perder la vergüenza* 'потерять стыд'. Удобнее обходиться без слова *conciencia* и в атрибутивных синтагмах типа «совестливый человек»: двухязычные словари порекомендуют: *vergonzoso* 'стыдливый, застенчивый' или *escrupuloso* 'честный, скрупулёзный, щепетильный'. Более точны и поэтому лучше подходят для определения характера энергемы *conciencia* испанские толковые словари; так, идеографический словарь Х. Касареса толкует слово через следующие понятия: *representaciones* 'представления'; (*propiedad de*) *reconocerse* '(свойство) самоосознания'; *conocimiento interior* 'самопознание'; *conocimiento reflexivo (de las cosas)* 'познание (вещей) через рассуждение' [Casares 1957, III: 262] В идеографической классификации слову *conciencia* определено место в таблицах «Разум, рассудок» и «Поведение» [Ibidem, I: Cuadros 23; 26]. Это - вполне рационалистическое - толкование совести определяется энергемой, характер которой описывается через латинское *conscientia* 'сознание, понимание, убеждение', которое, в свою очередь, произведено от *con-scio*, -*ire* 'знать что-либо за собой, сознавать', и, возможно, является калькой с греческого *συνείδησις* 'сознание, осознание', впервые отмеченного у стоиков. Это - энергема интеллективного акта, связанного с рациональной самооценкой, *осознанием* соответствия своих мыслей и поступков неписаным нормам поведения. Именно эта энергема проявляет себя в ситуации полной семантической актуализации в речи, см., например: [Vega 1962: 125]. Испанское *conciencia* пребывает преимущественно вне категории нравственности, но хорошо коррелирует с категорией морали; если мы попытаемся подобрать ему русские эквиваленты, то ими, скорее всего, будут «(само)сознание» и «сознательность».

La libertad de conciencia (англ. *liberty of conscience*, фр. *liberté de conscience*), таким образом, - это есть свобода осознавать себя и самоопределяться в убеждениях, не выходя за рамки общественной морали. На практике, конечно, под моралью всегда подразумевалась либо конкретно католическая, либо конкретно протестантская мораль, поэтому ни католикам, ни протестантам принцип «свободы рационального самоопределения» никак не мешал, к примеру, жечь еретиков или репрессировать представителей оппозирующей деноминации. Тем не менее, на волне европейского просвещения с его идеалом царства разума указанный принцип более или менее эксплицитно был зафиксирован в различных государственных актах (1689 - Билль о правах, Великобритания; 1789 - Декларация прав человека и гражданина, Франция и т.д.) и со временем стал восприниматься как своего рода религиозный «юрьев день». Впрочем, данное демократическое завоевание не только уже не было «революцией в умах» европейцев, но даже и припозднилось, учитывая, что в результате Великой схизмы 1054 года и начала реформации (1517) в тысячелетнюю традицию христианства уже были внесены многочисленные новации, мотивированные социально-политическими интересами.

В современном виде принцип свободы рационального самоопределения по-прежнему реализуется в рамках общественной морали, диктуемой социально-политическими интересами и формируемой средствами массовой информации. В формуле *libertad de conciencia* энергема интеллективного акта, связанного с рациональной самооценкой, находит себе законное и долговременное пристанище: то, что мы видим в реальности, находится в полной гармонии с логикой языка, семантические потенции которого осуществляются в возможности непротиворечиво связать *conciencia* с *libertad*. Для нас же важно, что как латинское *conscientia* в трудах Фомы Аквинского принципиально неверно было бы переводить словом «совесть», так и формулу *libertad de conciencia* во Всеобщей декларации прав человека принципиально неверно переводить словосочетанием «свобода совести».

Излишне доказывать, что мы вовсе не хотим сказать, будто «у испанцев нет совести», что у них вместо сердца арифмометр, и т.д. Это, конечно, было бы нелепо: всё у них есть, даже «угрызения» (*remordimientos*) - буквальное соответствие русскому аналогу. Однако «угрызению» подвергается разум, осознающий себя и мыслящий о «вне себя» в категориях общественной нормы, морали. В России совесть понимают иначе.

В том, что это именно так, помогает убедиться сопоставительный анализ евангельских переводов. Ведь задача всех добросовестных переводчиков Нового Завета состояла не только в том, чтобы, по возможности, сохранить особенности оригинального текста, но и в том, чтобы этот текст сделать максимально понятным читателю. Такова задача любого переводчика, но Новый Завет как две тысячи лет назад, так и всегда в дальнейшем, превышал здравый смысл, взрывал общепринятые нормы взаимоотношений, звучал невероятно, утверждал немислимое. Переводчик такого текста должен был искать не только точное слово, но такое слово, какое пело бы на одной энергичной волне со слушателем, какое вырисовывало бы образ, достоверно и ясно освещающий смысловые глубины оригинала. К тому же, переводчик должен был создать такой текст, который убедил бы и философа, и пастушку. Именно поэтому канонические переводы евангельских (шире - библейских) текстов сегодня служат нам безупречными «лоцманами» на неведомых просторах чужой кар-

тины мира: по тому, как «преломляется» свет смысла в толще того или иного языка, мы можем судить об этнокультурных особенностях его носителей. Так вот: и латинский, и испанский переводы взятого нами в качестве примера евангельского фрагмента 1 Тим 4: 2, в котором апостол Павел обличает лицемерных лжеучителей, близко следуют греческому оригиналу, воссоздавая его образ: совесть (conciencia) лжеучителей *заклеймена*.

<p>Дѣхъ же ѿвѣтвеннѣ гл҃еть, ѿкѡ въз послѣднѣя времена ѡтступѣтъ нѣцыи ѡ вѣры, внѣмашце дѣховѡмъ лѣстчымъ и ѡч҃еніємъ вѣсѡвскимъ, въз лицемѣрїи лжесловесникъ, сожженнѣхъ своѣи ѡвѣстїи...</p>	<p>1. Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским. 2. Чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей...</p>	<p>Spiritus autem manifeste dicit quia in novissimis temporibus discedent quidam a fide adtendentes spiritibus erroris et doctrinis daemoniorum in hypocrisi loquentium mendacium et cauteriatam habentium suam conscientiam</p>	<p>Pero el Espíritu claramente dice que en los últimos tiempos apostatarán algunos de la fe, dando oídos al espíritu del error y a las enseñanzas de los demonios, embaucadores, hipócritas, de cauterizada conciencia...</p>
<p>► ὁ ἴσθι ἰσοκρ...σει yeudolTgwn kekausthriasmšwn tšn „d...an sune...dhsin . . . , ‘в лицемерии лжеречивых, заклеянных (относительно) собственной совести...’; kekausthriasmšwn < kausthriřzw ‘выжигать клеймо’</p>			

Это повсеместно понятный образ: клеймение преступников известно и испанцам, и русским, и многим другим народам. В контексте Евангелий образ может породить логическую цепочку рассуждений: клеймо (греха), наложенное на совесть, делает её нечувствительной, невосприимчивой ко всему высокому и святому, подобно тому, как раскалённое железо, наложенное на участок плоти, полностью лишает его чувствительности. Кроме того, клеймо - это знак позора. Именно эта интерпретация образа приводится и в комментариях А. П. Лопухина, сопровождающих русскую версию, и в словаре Г. М. Дьяченко [ТБЛ, Т. 2: 1234; ПЦС: 629]. Но вот что интересно: оба автора на самом деле комментируют при этом не тот текст, который ложится перед русским читателем, но образ из греческого оригинала, т.е. переводческую потерю. Ведь ни церковнославянская, ни русская версии фрагмента не содержат слова «клея́мая» (совесть), но дают совсем иной образ, отличный как от оригинального, так и от того, который мы находим в романских версиях (см. таблицу). Переводческие решения, ориентированные на русских, во-первых, снимают «юридическую» ассоциацию с принятой *среди людей* способом карать преступников; во-вторых, радикализируют функцию совести, которая здесь действует изнутри человека - безотносительно к закону и морали - как неодолимо властное начало. В-третьих, рождённые в обеих русских версиях образы не нуждаются - для русского читателя - ни в каких «логических цепочках рассуждения» и не требуют разъяснений. Ассоциацией же с клеймением преступников переводчики сочли возможным пренебречь, потому что в России совесть - не конфликт разума, но - ожог сердца; не самосознание, уязвлённое сопоставлением с общественной нормой и фиксирующее вину на фоне морали, но суверенное и самовластное нравственное чувство.

В русском языке семантическая дифференциация морфологически схожих слов «сознание» и «совесть» мотивирована не различием внутренних форм: сущ. «знание» формально синонимично «вѣсть», глагол «знать» синонимичен «вѣдѣти». Аналогично: знатный = известный; знахарка = ведунья; дать знать = известить, и т.д. Имеющаяся разница - это разница между энергемами, которые, будучи устойчивыми программами смыслообразования, могут быть выявлены и сегодня. Так, слово «ведать» представлено ЛСВ «знать» *‘не ведать страха’*, но также и ЛСВ «управлять» *‘ведать делами’*. Вот в чём дело. «Ведовство» и «ведомство» - плоды одной энергемы, созревшие в разное время и в разных обстоятельствах. Энергема, свёрнутая в «вѣсть, вѣдѣти», по характеру исключительно равновесна: она сочетает в себе: рациональное, интуитивное, иррационально-чувственное. Рождённая в синкретичных глубинах, она связана с представлением о таком *знании*, источник которого трансцендентен человеку и обладание которым даёт власть над вещами. Эта энергема вбирает в себя переживание энергии сотворчества, синергии. Воспользовавшись славянским словом, содержащим эту энергему, при калькировании συνείδησις, переводчик задал собственно христианское значение **ѡвѣти**, отмеченное у Дьяченко: *‘голос Божий, вступающий в собеседование с человеком и дающий вѣсть, ведение относительно того, что должно и чего не должно делать человеку как разумно-нравственному существу’*. Повторим ещё раз вербальные знаки, которыми Г. М. Дьяченко отмечает в своём толковании характер энергемы: «голос Божий → вѣсть → человеку разумно-нравственному». Это и есть формула синергии, сотворчества. **ѡвѣти**, иными словами, никак не есть акт рациональной самокритики на основе сопоставления своих мыслей и поступков с нормами общественной морали, но - собственно творческий акт, источником которого выступает Творец, а соработником - человек, изначально наделённый свободой. В свете церковнославянского толкования, такая категория как «свобода совести» никак не может быть интерпретирована как демократическое завоевание. Здесь мы имеем дело с подменой понятий, к тому же, сильно припозднившейся, учитывая, что Библия отсчитывает земную историю человечества именно с реализации праматерью Евой имманентного права на свободу совести - свободный выбор, чей голос слушать.

В современном русском языке «совесть» - *чувство нравственной ответственности* (словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой). Что представляют собой эти три связанных дефиницией слова, как не светское

толкование той же энергемы, которая выявлена в толковании церковнославянского дублета? Чувство иррационально, оно может вдруг возникнуть, как бы ниоткуда; это чувство трудно усыпить, заставить замолчать, и оно властно направляет поведение до тех пор, покуда оно есть; его можно утратить, и тогда такой человек воспринимается другими как нравственный инвалид, лишенный некоей ценности. «Человек закабален в своем разуме, но свободен еще - в чувстве. И он стоит на распутье: разумность морали - или нравственность чувства? Что предпочесть в разломе жизни между Добром и Злом, что выбрать в надежде Блага и Счастья?» [Колесов 2004: 375] Немыслимое для церковнославянской лексики, словосочетание «свобода совести» и в русском языке выглядит как претензия на именование ценности, а ргіогі девальвированной плеоназмом: «свобода того, что, будучи чувством, по определению свободно».

Очевидно, в словосочетании «свобода совести» мы имеем дело с неудачным переводом с западноевропейских языков, перевода, который исходит из ложной презумпции наличия общечеловеческих ценностей. Какое отношение совесть имеет к свободе самоопределения относительно религиозных и квазирелигиозных доктрин, к свободе позиционировать себя в любой ценностной парадигме - этот вопрос едва ли имеет прозрачный ответ на бытовом уровне. По опыту преподавательской деятельности автор этих строк знает, что смысл данного словосочетания студентам приходится объяснять через экскурс в историю европейского «бунта разума», потому что в данном русском лексическом воплощении понятие оказывается обесмысленным. Если же слово (словосочетание) непонятно и не может быть понято из себя самого, из анализа его компонентов, то это значит, что в нём уже нет энергемы - опыта переживания, ищущего ответного переживания. Это значит также, что опустевшая «шкурка» внешней формы может быть теперь набита любыми «опилками», любым произвольно (целенаправленно) скомпонованным смысловым содержанием, и в результате этой «семантической таксидермии» в информационном пространстве появится нечто, что звучит совсем как слово, и что легко принять за слово в мощном и быстром информационном потоке наших дней (ср.: «свобода и демократия»). Такая внешняя форма, однако, - уже не «орудие понимания самого понимания» [Лосев 1993: 834], но простой односторонний знак, используемый в качестве стимула так же, как используются вербальные команды при дрессировке животных. Для каждой эпохи Нового и Новейшего социальных времён можно было бы составить свой список подобных вербальных стимулов.

Что же касается дублетов «совѣсть || совесть», каждый из них истолкован в понятиях соответствующего культурного потока, однако собственно семантических расхождений между ними мы не находим. Семантика обоих определяется одной и той же энергемой, равновесно сочетающейся в себе чувственный, рациональный и иррациональный моменты. Русский человек, будь он даже убеждённый противник всякой религии, едва ли найдёт существенные возражения на слова православного епископа: «Совесть - чувство духа человеческого, тонкое, светлое, различающее добро от зла. Это чувство яснее различает добро от зла, нежели ум. Труднее обольстить совесть, нежели ум. И с обольщённым умом, подкрепляемым грехолюбивой волей, долго борется совесть» [Брянчанинов 2008: 627]. Это семантическое сходство дублетов (русского и церковнославянского) и общность их переживания говорят о том, что совесть - безусловная ценность русской этнической картины мира, рассматриваемой как целостность.

Попробуем свести в таблицу рассмотренные понятия, добавив некоторые другие, без которых картина семантического поля не будет полной.

русский язык	испанский язык
нравственность совокупность духовных качеств, включающих, в частности, и совесть как чувство нравственной ответственности	нет
нравы уклад жизни, обычаи, правила поведения	las costumbres уклад жизни, обычаи, правила поведения
мораль нравственные нормы поведения	la moral неписаная норма поведения, основанная на божественном откровении в его теологической интерпретации la moralidad моральные качества, в том числе <u>сознательность (conciencia)</u>
нет	la moral название научной дисциплины, изучающей поведение, поступки - в порядке их отношения к добру или злу: <i>profesor de moral (moralista; ético)</i>
нравственное богословие название научной дисциплины, изучающей основы христианской нравственности	нет
этика философское учение о морали: на уровне самоопределения - теория морали, видящая свою цель в обосновании модели достойной жизни	la ética (от $\frac{1}{2}$ чо ј 'нрав, обычай, характер, образ мыслей' - через <i>lat. ēthos</i> 'нравы') естественная (иначе - философская) мораль; в отличие от «moral», имеет своим основанием разум и опыт: личный, социальный, исторический. Название философской дисциплины, обосновывающей ту или иную конкретную моральную систему
этика мораль какой-либо общественной группы: <i>врачебная этика</i>	

Как мы видим, в рассматриваемом идеографическом фрагменте имеется одна зона совпадения: «нравы = costumbres». Имеется также - в русском языке - обширная зона заимствований (выделена цветом): всё это - понятия, пришедшие из европейской философской традиции и имеющие в русском языке имя, сходное с

именами на европейских языках. Заметно и то, что интерпретация заимствований (см.: «мораль») на российской почве пережила этнокультурную адаптацию, которая и способствует смешению понятий.

Если мы подойдем к делу с точки зрения формального подсчета количества сравниваемых позиций, то русский идеографический фрагмент нам покажется более обширным и многогранным, и мы скажем: смотрите, как богата наша картина мира. Но мы опираемся на *толкование* понятий, а не на их количество, и вот видим: в русском языке имеется слово «мораль», и оно связано толковательным кругом с понятием «нравственность», отсутствующим у испанцев. «La moral», при этом, опирается на Библию в соответствующей времени и месту теологической интерпретации. Что получается? Когда на русский язык переводится, скажем, философский трактат о морали, мы готовы эту мораль воспринимать как духовно-нравственную категорию, однако на самом деле, в тексте оригинала, мораль - категория рациональной сферы и трактуется исключительно с позиции какой-то конкретной европейской инославной религиозной традиции. Аналогично: когда в испанском (и любом другом европейском) тексте мы встречаем слово *la ética*, мы готовы принимать его с объективных позиций, как имя науки, как имя теории, интерпретирующей *универсалии*. На самом же деле именно постольку, поскольку этика имеет дело с универсалиями субъектного ряда (добро и зло, совесть и справедливость, честь и долг, смысл жизни и т.д.), она всегда обосновывает ту или иную конкретную моральную, т.е. а priori именно инославную религиозную, систему, при этом этики-теоретики выступают одновременно и моралистами [Можейко 2003: 1240]. Так что этические концепции Монтеня, Спинозы, Гельвеция, Дидро, Руссо, Канта, Гегеля - суть плоды побочных ветвей католицизма или протестантизма. Иноязычное заимствование всегда несёт в себе «ноэму-иностранку» и энергему иного восприятия, то есть выражает предметную сущность, понятую в связи с конкретными условиями времени и места. Иноязычное заимствование, означающее абстрактное понятие, всегда, к тому же, специфично с точки зрения соотнесённости с конкретной религиозно-мировоззренческой презумпцией и конкретной культурой.

Наши рассуждения о том, что слово «мораль» не случайно отсутствует в церковнославянском языке, и не случайно так трудно входило в лексический состав русского, подтверждаются, в частности, экспериментом, о результатах которого рассказывает Н. В. Орлова. Исследователь исходит из того, что «на материале сочинений может быть выявлена этическая составляющая языкового сознания школьника - носителя индивидуальных, групповых и конвенциональных знаний и представлений о морали» [Орлова 2004: 132], и обращает внимание, в частности, на следующие моменты. А) в текстах сочинений «регулярно и предельно эксплицитно вербализуется нормативность моральных оценок. Используя модальные операторы долженствования (наиболее частотны *должен, нужно, надо*), словосочетания *выполнять законы, соблюдать правила*, императивные конструкции, около 50% школьников выстраивают сочинение как дидактический текст»; моральные отношения осмысляются как ориентированные на жёсткую норму. Б) «Генерализация описываемых “положений дел” создается за счет введения кванторов *все, всегда, никогда, каждый* и др., ирреальной модальности высказываний, нереферентного употребления имен: *Человек должен проявлять свои хорошие качества всегда и везде*». В) «Одним из ключевых является концепт, который точнее всего может быть обозначен словом “окружающие” (в 40% текстов он эксплицирован, в остальных вербализуется косвенно)». Г) Школьники почти не обращаются к прецедентному феномену: «примерно у девяти из десяти школьников подобные знаки принадлежности к культуре отсутствуют. Для нас существенно, что прецедентные феномены, как правило, субъективно значимы и, следовательно, являются способом выразить личностное отношение к миру. В таком случае можем опять-таки констатировать слабую степень вербализации личностных смыслов». [Ibidem: 132-136] Суммируя характерные для сочинений особенности (гипертрофия нормативности языка, трансформирующаяся в откровенную дидактику; крайние, предельные формы генерализации высказываний), а также делая предположение, что именно «невывраженность» этических категорий порождает у школьников ненормативные высказывания, исследователь задаётся вопросом: значит ли всё это, что моральные концепты школьниками не переживаются? [Ibidem: 136] В ответе на этот вопрос мы с автором этой интересной для нас статьи, однако, расходимся. Н. В. Орлова полагает, что, по-видимому, нет: мораль - чрезвычайно сложная для вербализации сфера, требующая жизненного опыта и риторических навыков; кроме того, «переживание» моральных концептов у школьников, как и у взрослых людей, осуществляется преимущественно за границами языка. Мы же, вполне принимая и доводы автора, дали бы в целом положительный ответ. Русское слово «нравственность» в статье полностью отсутствует, стало быть, отсутствовало и при постановке школьникам задачи. И детишки, не будучи искушены в риторике, честно отразили отношение к *чужой и холодной* энергеме заимствованного слова: «гипертрофированной нормализацией» речи и «предельной генерализацией» высказываний они *отстранили* мораль с этикой от себя - туда, где им и место, в сферу жёстко заданной общественной нормы, диктуемой извне. Сочинения дипломированных философов на ту же тему, надо полагать, выглядели бы иначе, поэтому выбор автором аудитории представляется продуманным и удачным, и сама Н.В. Орлова в статье замечает: «Показательно, что школьник бессознательно транслирует глубинные, системные когнитивные структуры до того, как овладевает нормой на поверхностно-языковом уровне» [Ibidem: 136].

В качестве заключения хотелось бы сказать несколько слов. Объективно, Россия - европейская страна в той мере, в какой занимает географический восток европейского континента, в какой усвоила византийский социально-политический и культурный опыт и в какой она, будучи широко распахнута навстречу различным окружающим её культурам, всё же предпочла пристальнее всмотреться в сторону заката. Тем более что интерес был взаимен: ведь именно с заката приходили наиболее настойчивые люди - то с мечом, то с това-

ром, то с каким-нибудь новым учением. И именно с европейцами Россия обнаружила, несмотря на многие разногласия, сходство фундаментальных ценностей, основанных на общности наших христианских корней. Сходство, однако, - вовсе не тождество, и это хорошо, поскольку только отличные друг от друга люди представляют друг для друга интерес и могут чему-то научить один другого. Вот почему важнейшую задачу, стоящую перед будущим специалистом в области межкультурной коммуникации, мы сформулировали бы так: быть (или стать) экспертом в области культуры своего народа, чтобы уметь представить её другим народам и, не в последнюю очередь, чтобы понять себя самого, свои ценности и свой особенный нрав.

Список использованной литературы

1. **Абушенко В. Л.** Аксиология // Новейший философский словарь. - Минск: «Книжный дом», 2003. - С. 25-28.
2. **БЭС** - Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. - М.: «Советская энциклопедия», 1993.
3. **Брянчанинов 2008** - Симфония по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова). - М.: ДАРЬ, 2008.
4. **Горбачевич К. С.** Словарь эпитетов русского литературного языка. - СПб.: «Норинт», 2004.
5. **Даль Владимир.** Толковый словарь живого великорусского языка. - М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. - Т. 2 (репринт Толкового словаря В. И. Даля 1903-1909 гг., под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ).
6. **Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь: ок. 5000 слов. - М.: Русский язык, 1986. - 3-е изд., испр.
7. **Колесов В. В.** Древняя Русь: наследие в слове: В 5-ти кн. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. - Кн. 3: Бытие и быт.
8. **Лосев А. Ф.** Бытие - имя - космос / Составитель и редактор А. А. Тахо-Годи. - М.: Мысль, 1993.
9. **Лосев А. Ф.** Введение в общую теорию языковых моделей / Под ред. И. А. Василенко. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - Изд. 2-е, стереотипное.
10. **ЛЭС** - Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: «Советская энциклопедия», 1990.
11. **Можейко М. А.** Этика // Новейший философский словарь. - Мн.: Книжный Дом, 2003. - 3-е изд., исправл. - С. 1240-1242.
12. **Нефедов Геннадий, протоиерей.** Основы христианской нравственности. - М.: Паломник; Сибирская Благовонница, 2008.
13. **НФС - Новейший философский словарь.** - Мн.: Книжный Дом, 2003. - 3-е изд., исправл.
14. **Орлова Н. В.** Мораль в представлении школьника: анализ сочинений // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. В. А. Пищальниковой. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. - С. 132-136.
15. **ПШС - Полный церковно-славянский словарь** (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений) / Сост. священник магистр Г. Дьяченко. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. - М.: Издательство «Отчий дом», 2005.
16. **ПЭ - Православная энциклопедия. К 2000-летию Рождества Христова** / Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. - М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. - Т. V.
17. **ТБЛ - Толковая Библия: Комментарий на все книги Святого Писания** / Под ред. А. П. Лопухина. - М.: «Харвест», 2004. - Т. 1-2.
18. **ТСРЯ 1992 - Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / Российская АН; Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. - М.: Азъ Ltd., 1992.
19. **ТСРЯ 2007 - Толковый словарь русского языка: ок. 30 000 слов** / Под редакцией Д. Н. Ушакова. - М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
20. **Casares Julio.** Diccionario ideológico de la lengua española. - Barcelona: Editorial Gustavo Gili, S.A., 1957.
21. **DEIS** - Diccionario Enciclopédico Ilustrado Sopena. - Barcelona: Editorial Ramón Sopena, S.A., 1995. - Tomos de 1º a 5º.
22. **Tolstoi** - Leon Tolstoi. Ana Karenina. - <http://www.magister.msk.ru/library/tolstoy/spanish/tols110s.html>.
23. **Vega Vicente.** Diccionario ilustrado de frases célebres y citas literarias. - Barcelona: Editorial Gustavo Gili, S.A., 1962. - Tercera edición.

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Эпштейн О. В.

Оренбургский государственный педагогический университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Шехтман Н. А. и к.ф.н., доц. Рахматуллиной Д. Р.

Статья раскрывает теоретические и практические проблемы описания политического дискурса, представляет объективную классификацию семантико-прагматических и коммуникативно-функциональных категорий политического дискурса. Совокупность дискурсивных признаков формирует полевую структуру политического дискурса, делает ее открытой для пересечения с границами других видов дискурса.

Дискурс, с одной стороны, можно рассматривать как процесс живого вербального общения, немаловажную роль в котором играют системные характеристики языка, степень спонтанности и завершенности, тематическая связность и понятность для других людей. Но, с другой стороны, нельзя забывать о том, что общение людей всегда протекает в той или иной зависимости от позиций коммуникантов. Здесь важна их принадлежность к социальной группе и к типичной речеповеденческой ситуации.